

Ллойд деМос История детства и Холокост [1]

Ллойд деМос – директор Института психоистории, редактор *The Journal of Psychohistory* и президент Международной психоисторической ассоциации (IPA). Его книги *The History of Childhood, A Bibliography of Psychohistory, The New Psychohistory, Jimmy Carter and American Fantasy, Foundations of Psychohistory, Reagan's America* и *The Emotional Life of Nation* переведены на девять языков мира.

Более тридцати лет назад моя книга «История детства» (*The History of Childhood*) начиналась словами: «История детства – это кошмар, от которого мы только недавно начали избавляться. Чем дальше в истории, тем ниже уровень заботы о детях, тем больше детей убивают, избивают, запугивают или сексуально злоупотребляют ими» [2].

За три десятилетия были опубликованы десятки книг и сотни статей, как в Журнале психоистории (*The Journal of Psychohistory*), так и других изданиях. Они давали всеобъемлющие свидетельства об истинности эволюции детства. Более того, психоисторики написали сотни других книг и статей, демонстрирующих очевидное влияние эволюции детства на исторические типы личностей – то, что мы называем «психоклассами» -- и на саму историю, в особенности на войны и геноциды, которые, как мы обнаружили, вызываются постоянными злоупотреблениями детьми, недостатком любви и заботы в детстве, чрезвычайно хрупким «я» как результата отсутствия надежной опоры в раннем периоде жизни.

Поскольку я произношу эту речь, отмечая выход моей книги *Das emotionale Leben der Nationen* («Эмоциональная жизнь наций») в Австрии—родины Адольфа Гитлера и одной из стран, осуществлявших когда-то Холокост, -- я понимаю, что должен обратиться к эмоциональным источникам Холокоста в австрийском и немецком воспитании с целью понять происшедшее и помочь избежать ядерный холокост в мировом масштабе. Я хочу обратиться к этой теме, поскольку я надеюсь, что вы будете согласны с тем, что немцы и австрийцы рождались невинными – как и все человеческие существа, – но они превратились в жестоких расистов в процессе воспитания, и когда я опишу практику их воспитания, то вы сможете лучше понять своих предков. Я делаю это не с целью найти «прощение» для них, скорее с целью понять причины Холокоста, чтобы Холокост и войны могли быть навсегда уничтожены в будущем.

Я надеюсь, что вы расцените мой психоисторический взгляд на истоки Холокоста как более правдивый, нежели идеи, например, Д.Голдхагена, который изобразил немцев и австрийцев не только как действительных «добровольных исполнителей Гитлера», но и как таинственных носителей неких наследственных антисемитских типов личностей [3]. Далее, я покажу, что существенное падение уровня антисемитизма в Германии и Австрии вызвано значительным улучшением практики воспитания детей – и такой новый тип детства имеют представители данной аудитории. Главное открытие психоистории состоит в том, что война и геноцид, так же как человекоубийство и самоубийство, являются психопатическим расстройством, которое просто не появляется при отсутствии широкого

распространения пренебрежения или оскорбления по отношению к детям, и я надеюсь показать, что австрийское воспитание продвинулось до такой степени, что подобный геноцид или расовые войны стали невозможны для Австрии в будущем.

ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ВОЙНЫ И ГЕНОЦИДА

Так же, как психиатры обнаружили, что мотивы для убийства вовлекают чрезвычайно низкую самооценку (убийца говорит: «Я никогда не чувствовал такого уважения к себе за всю свою жизнь, чем когда впервые направил пистолет на человека» [4]), и так же, как установлено, что суицидальные личности слышат внутренние «родительские» голоса, говорящие им, что они «плохие», требующие их смерти [5], -- нации, осуществляющие геноцид, на самом деле *наказывают самих себя*. Они не просто «агрессивны» или «жадны», как утверждают реалистские теории войны. Войны, как я показывал раньше, являются результатом *страха*, а не «жадности» или «агрессивности». Они – итог страха беспомощности, вынесенного из раннего детства, который создает «бомбу замедленного действия», готовую взорваться, когда взрослые почувствуют, что у них слишком много свободы, осуждаемой внутренними родительскими голосами. Ростки этих голосов, которые приказывают им убивать – неважно, называют ли их «Богом», «Провидением», «Родиной», -- они заложены в детстве сетью раздробленных ранних страхов. Голоса говорят им, что они плохие, поскольку слишком много хотят, а потому должны быть наказаны. Таящийся во взрослом ребенок, чтобы не терять родительскую любовь (обычно материнскую любовь, т.к. отцы исторически отсутствовали в ранние годы детства), сливается с наказующим родителем и наказывает кого-то другого как свое «плохое Я». Подобная групповая фантазия слияния с Могущественной Родиной всегда имеет место перед ситуацией геноцида и войной, проявляясь в известных примерах «возвеличения» своей нации, а затем в обвинении врагов в том, в чем обвиняли в детстве.

Убийство своего «плохого Я» в образе врага происходит так, чтобы наказывающая родина вновь полюбила вас, поскольку вы очистились от греха. Холокост был очень похож на фантазию «победы посредством очистительного жертвоприношения». Как мы далее покажем, любая приписываемая евреям греховная черта была на самом деле повторением «греховных» качеств, которые немецкие и австрийские родители приписывали своим детям. Психодинамика войн абсолютно идентична саморазрушению индивидуумов, истязающих себя, подобно каттерам, чтобы удовлетворить свой внутренний голос, требующий их страданий за «грехи». Холокост был похож на это саморазрушительное жертвоприношение части политического тела, удовлетворяя наказующий глас родителя в их голове.

Самоистязание, как и геноцид, позволяет людям почувствовать себя живыми, рожденными заново. Как говорит об этом один из каттеров: «Я чувствую себя сейчас по-настоящему живым...Сейчас я вновь контролирую боль... Вместе с кровью вышло что-то плохое»[6]. Подобным же образом евреи должны были быть «отрезаны» от Германии, чтобы ее «очистить», что на самом деле следует приписать ее травматическому опыту как ребенку.

Расовый национализм не является «любовью» к своей нации. Он означает «молиться» на родину, умолять ее о внимании, поскольку она не любит вас, когда

вы становитесь слишком самостоятельными, и чувствовать себя брошенным. Националистические лидеры тем более «нелюбимы», их боятся и слепо им следуют, т.к. они являются делегатами от родины, чьей задачей является определить часть «плохого я» (символически «плохих детей»), которых нужно принести в жертву – внешне, в войнах, и внутренне, в виде «козлов отпущения».

Параноидальное чувство, что Германия и Австрия «окружены» врагами, -- это просто подавляющие родители, не дающие детям свободы: «Ты просто эгоистичен! Делай, что я говорю, иначе пожалеешь!». Это означает не только, что ваши дедушки и бабушки выросли, как сказал Т.Адорно, в «авторитарных» семьях [7].

Их вырастили требовательные родители, не позволяющие своим детям быть свободными или реализовать себя, т.к. мать находилась в жестокой депрессии, перерабатывала и всегда сердилась, без помощи со стороны мужа, нуждаясь в ребенке как продолжении ее самой для уменьшения своего стресса. Исследования детства и личности в истории тщательно документируют, что жестокое детство коррелируется с более поздними предпочтениями войны и насилия при выборе решений социальных конфликтов[8]. Дети, воспитанные в любви и уважении, не ищут «козлов отпущения», будь то внутренних – определяя в качестве мишени евреев, или внешних, развязывая войны. Истинная причина Холодной войны заключается не в политическом страхе Америки перед русским медведем, а в реальных страхах перед чудовищами (фигурально выражаясь, перед воспитателями), которые мы имели, когда нам было по три года. Тот, кому не снились кошмары с чудовищами, не имел нужды тратить триллион долларов и убивать миллион людей, «*пере-живая*» свои ранние страхи.

Более того, войны всегда разрушительны в отношении тех, кто их начинает. На самом деле они являются ритуалами снижения уровня благополучия. Исследования, анализирующие цену завоеваний, убеждают, что те, кто начинает войны, редко их выигрывает, что завоеватели редко остаются в выигрыше, даже если побеждают в войне, т.к. если изучить подлинно долговременную стоимость войн, включая различные затраты, заемы, усилия, потраченные на поддержание дальнейшего насилия, можно сделать вывод о том, что акт развязывания войны – всегда иррациональный, саморазрушительный для нации в целом [9]. Именно поэтому нации во второй половине прошлого столетия, достигнув более высокого уровня в воспитании детей, оказались способными поддерживать демократии с истинными гражданскими правами и имели меньше войн – и, в частности, не воевали ни с одной из других демократий [10]. Реальная эволюция детства была настолько быстрой в прошлом поколении, что сумма организованного насилия в мире сократилась наполовину за прошедшие 15 лет [11].

В этом выводе о том, что демократии имеют меньше войн, есть одно исключение. Оно является результатом концепции, описанной выше, о том, что социальное насилие главным образом вызвано страхами потери материнской любви и одобрения, когда люди пытаются осуществлять свою свободу и самореализовываться (психоисторический термин этого страха перед свободой – «паника роста») [12].

Психоаналитики часто называют его «депрессия пренебрежения» [13] и показывают, что люди, имеющие пренебрегающих ими или оскорбляющих их

родителей, боясь всего прогрессивного, всего успешного, всех свобод и новых вызовов жизни, встречая их с уничтожающей тревогой, страхом, что их хрупкое «я» распадается и они «замещают» это ненавистью к врагам – частям «плохого я». Именно поэтому войны чаще встречаются после периодов процветания и социального прогресса – такие войны бывают в 6-20 раз крупнее по масштабу, чем войны, которые происходят после периода депрессий [14] — и добавим, что ни одна крупномасштабная война за прошлые два столетия не началась после периода социального упадка [15]. Таким образом, цикл войны исторически начинается с прогресса, который ведет к «панике роста», страху потери материнской поддержки, слиянию с родиной и, в конечном итоге, к войне против всех «плохих я», врагов родины.

Однако тщательные исследования также показывают, что *наиболее* склонные к войне нации – это те, которые находятся *в переходном состоянии к демократии* [16]. Это обобщение придает больше смысла нашей модели войны как «паники роста»: демократизирующиеся нации – более ей подвержены, т.к. только небольшая часть их населения представляет из себя наиболее продвинутый психокласс (соответствующий модели воспитания). Такой психокласс – либералы в Германии и Австрии перед двумя мировыми войнами – создает условия для взлета индустриализации, новых социальных и политических свобод. Однако при этом менее «продвинутые» психоклассы, все еще находящиеся в большинстве, ощущают новые успехи и свободы как собственный «эгоизм» и боятся потерять одобрение своего внутреннего голоса, своего двойника, неизбежно становятся в оппозицию к модернизации и демократизации, сливаются с родиной и ищут «врагов», чтобы их «наказать». Вот почему войны-геноциды свойственны быстро меняющимся модернизирующимся государствам. Как формулирует М.Манн в своей книге «Темная сторона демократии» (*The Dark Side of Democracy*): «смертельные чистки распространялись по всему миру в процессе его модернизации» [17]. США также осуществили геноцид против американских индейцев в своем процессе демократизации, следуя «праву на уничтожение» по Томасу Джефферсону [18].

Как только эти периоды демократизации проходят, большинство нации способно к достижению того, что я называю «социализующей моделью» воспитания [19], зрелые демократии никогда не развязывали войны друг с другом [20].

НЕМЕЦКОЕ И АВСТРИЙСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ПЕРЕД ХОЛОКОСТОМ

Перед тем, как я буду описывать реальную динамику Холокоста, позвольте мне дать краткое описание того, какого типа воспитание ваши предки имели на рубеже 19-20 столетий. Какие условия детства были обыденными в семьях Центральной Европы в период, когда росли дети, становившиеся «бомбами замедленного действия» во время Холокоста и второй мировой войны?

Прежде всего, родители открыто выражали свое недовольство при рождении девочек; об отцах говорили, что «он швырнул ее на кровать рядом с матерью так, что мог бы сломать ей спину» [21]. Новорожденные девочки гораздо чаще погибали в центрально-европейских регионах, отличавшихся высоким

уровнем детской смертности, где матери, не чувствуя себя виноватыми, «рожали детей приватно и относясь к родам как к избавлению... Некоторые из женщин жестоко убивали своих детей ударами по голове» [22]. Поэтому дети обычно росли очевидцами смертей новорожденных, осознавая, что им лучше не быть «плохими». Альтернативой в богатых семьях (которые в реальности убивали больше девочек, чем бедные) был обычай посылать их к оплачиваемым «кормилицам-убийцам» (*Engelmacherin*)[23].

Грудное вскармливание младенцев встречалось так редко, что детская смертность в Германии варьировалась от 21% в Пруссии до 58% в Баварии на протяжении 19 ст.; более высокие показатели ее на юге были результатом обыденной практики отсутствия грудного кормления вообще, т.к. дети, питавшиеся лишь «соской» с перемешанными мукой и водой, умирали в три раза чаще, чем вскармливаемые грудным молоком [24]. Поэтому смертность среди младенцев в Германии и Австрии наполовину выше, чем во Франции и в Англии, с самым высоким при этом показателем отказов от детей в Вене по сравнению со всей Европе (1/2 всех венских детей бросалась матерями в конце XIX в. [25]). Иностранцы, посещавшие немецкие семьи, рассказывали, что «очень редко встречается, когда немецкая дама кормит своего ребенка» [26]. Чем дальше на юг, тем меньше практиковалось грудное вскармливание. Одна мать, переселившаяся сюда из северной Германии, называлась «свинской и грязной» местными баварками за то, что пыталась вскармливать своего ребенка, что рассматривалось как отвратительный обычай [27]. А.Ендэ указывает, что редко можно встретить немецкого ребенка, находящегося на полном грудном вскармливании, везде им дают *Zulp* – льняной мешочек, наполненный хлебом и часто алкоголем» [28], а матери говорят, что они «не желают портить фигуру» [29]. Иностранцы наблюдали замечали, что матери из Центральной Европы обращают на своих детей меньше внимания, чем коровы» [30].

Дети начинали историю своего унижения рано, еще во время внутриутробного развития, т.к. матери обычно употребляли алкоголь, а отцы повсюду избивали своих беременных жен. С момента своего рождения, как описывает Г.Мэйхью практику конца XIX в. в Германии, младенец был «так туго забинтован с ног до шеи, что выглядел как мумия». Т.к. эти «бинты»-пеленки редко менялись, то дети оставались долгое время в своих фекалиях и моче, так, что, Мэйхью называет их, «несчастливыми существами..., униженными до крайней степени, никогда не мытыми, с грязью, покрывающей их, словно сыр...» [31]. Матери так боялись своих собственных детей, что не только связывали их этими пеленками, но и клали их в люльку в комнате с плотно занавешенными шторами, чтобы держать подальше «зло» [32].

В результате дети были покрыты вшами и другими паразитами, но не могли двигаться даже для того, что отмахнуться от них. Родители обыденно называли их «вшами» и «бесполезными едоками» [33], т.к. они ничего не приносили в семью до тех пор, пока не становились старше, так что дети позже вспоминали: «Редко мы съедали кусок хлеба без отцовского упрека в том, что мы его не заслуживаем».

Боязнь того, что ребенок станет «тираном» была распространена настолько, что любой детский плач рассматривался как «вопл», и матерям советовали оставаться твердыми, «не разговаривать, не брать его на руки, не обнимать, так чтобы после нескольких ночей ребенок понял, что вопли не имеют никакого действия, и успокоился»^[34]. Поскольку «маленькие дети имеют известный запах», матери часто клали их, спеленатых, в сумку и подвешивали ее на стене, на дереве, а сами занимались другой работой ^[35]. Т.к. материнская «педофобия» продолжалась и после того, как младенцы вырастали из пеленок, существовало множество иных способов и ограничивающих устройств, чтобы быть уверенным, что ребенок не вырастет требовательным «тираном»: тесные корсеты с металлическими вставками для спины, воротника, длинные лоскуты, каркасы против мастурбаций и т.п.^[36]. Болезненные клизмы были повседневными ритуалами, начиная с 6-месячного возраста, еще до того, как у детей появляется способность контролировать сфинктер ^[37], причем мать или няня иногда связывали ребенка и вставляли двухфутовую клизму несколько раз в качестве наказания за детские «инциденты» ^[38]. Во многих городах были специальные магазины, где продавались клизмы, и куда дети постоянно приводились, чтобы «подобрать» нужный размер. Озабоченность немцев всем этим была распространенной и нашла широкое отражение в фольклоре ^[39].

Поскольку «истинная» сущность ребенка рассматривалась как грешная, то считалось необходимым подавить их волю, и побои были главным методом для этого. Психоисторик А.Энде озаглавил свой глубокий анализ автобиографий немцев как «Избиения и отчужденность», т.к. он пишет, что «не было светлой стороны, о которой можно было бы написать о всеобщей немецкой практике избиения детей для их подчинения» ^[40]. Избиение, говорил один немецкий доктор, должно начинаться рано, еще в младенчестве, и «продолжаться всегда, пока ребенок не успокоится или не заснет ... И тогда можно стать *хозяином* ребенка *навсегда*. Тогда один лишь взгляд, слово или жест достаточны, чтобы им управлять» ^[41]. Часто описывали родителей, впадавших в «праведный гнев» во время избиения своих детей так, что дети даже теряли сознание. Школы были конвейерами побоев: «наша шкура дымилась от порок» ^[42]. Отец Гитлера постоянно избивал сына до потери сознания ^[43]. Плачущих детей часто приходилось тащить в школу силой, т.к. они боялись царивших там порок, и самоубийства среди детей были частыми реакциями на побои и «закаливание» ^[44]. Уровень детского суицида в Германии был в три раза выше, чем в других европейских странах ^[45].

Другие методы наказания дополняли избиения. Детей сажали на горячие конфорки, привязывали на ночь к кроватям, заставляли есть свои фекалии после случившегося «инцидента» и т.д. Немцы отмечали, что ненависть по отношению к детям (*Kinderfeindlichkeit*), была распространенной ^[46]. Детей часто запугивали не только избиением, но и привидениями и другими страшными монстрами, которые могут их забрать за непослушание; родители сами «переодевались, например, в так называемого «Рыцаря Рупрехта», красили свои лица в черный цвет и разыгрывали из себя посланников бога, который накажет детей за их грехи» ^[47].

Посетители немецких домов того времени отмечали «жалость к этим маленьким немецким детям по поводу того, что они должны так тяжело работать, что в них явно не достаёт ощущения легкости жизни, веселости духа, ребячества – всего того, что делает американских детей труднее воспитываемыми, но зато оставляет им память счастливого детства» [48]. Чтобы не держать «бесполезных едоков», центрально-европейские детей часто отправляли из дома на работу в качестве слуг или учеников, чтобы «научить их работать», «не давать лениться», «избежать лишних ртов», или просто чтобы избавиться от них [49]. Первый ребенок часто отдавался родственникам, остальные – тем, кто возьмет. Когда родители приезжали, чтобы забрать ребенка домой, он больше не узнавал их. Слуг и учеников не только постоянно били, но и сексуально эксплуатировали, как мальчиков, так и девочек; в школах – учителями и старшими учащимися [50].

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В АВСТРИИ/ГЕРМАНИИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Страх и ненависть, исходившие из традиционного в Центральной Европе воспитания, были главными причинами первой мировой войны. Хотя некоторая часть населения пыталась осуществлять новые модели воспитания и новые стили жизни (и поэтому регион переживал рост рождаемости в несколько раз больше, чем в предыдущие десятилетия), большинство людей были все еще средневековыми в своем воспитании (запаздывающий психокласс), а социально-экономический прогресс конца XIX в. сводил их с ума. Страхи «материализма, дегенерации, социализма, танцев и сексуальной свободы» разгуливали внутри этих наций [51]. Весь этот прогресс – новые свободы, новые права, новые удовольствия – угрожали обрушить на их головы наказания, к которым приучили их родители, когда они пытались осуществить личную свободу в детстве. Казалось, что «Наказующие родительские голоса» в их головах исходят из-за границы, и немецкие политики и военные лидеры вдруг приходят к убеждению, что Россия обязательно атакует их «когда-нибудь в будущем, поэтому начало превентивной войны неизбежно, и чем быстрее, тем лучше» [52]. Чем ощущать себя «раздираемыми» на части их внутренней «паникой роста», лучше слиться с их Родиной и спровоцировать врагов из-за границы, которых потом нужно и наказать как «плохих я». Провокации Австрией кризисов на юге вписывались в секретные планы Германии спровоцировать Россию к тому, чтобы именно она начала войну. Первая мировая война осуществлялась как путь восстановления потенциала и «очистки» национальных артерий кровопусканием. Слияние с Германией в наказании «плохих я» поначалу ощущалось положительно. Несмотря на факт, что они оказывались перед лицом врага, превосходившим его в несколько раз, и были обречены на поражение, начало войны для немцев ощущалось как «священный Союз... Мы больше не является такими, как были раньше, одиночками!» [53]. Слившись со своей Родиной, они чувствовали себя «очищенными», т.к. их «плохие я» были вынесены вовне, воображены как внешние враги. Их чувства отбрасывали их в детство, к ощущениям «угнетенности, связанности, окруженности врагами», действительно идущим от практик пеленания, корсетов, избиваний.

Но даже хотя «прыжок в прогресс» перед первой мировой войной мог бы причинить «панику роста», которая вела к слиянию с Родиной и насилию, вынесенному вовне, -- почему все-таки тогда произошел Холокост? Детство тех, кто сражался на первой мировой войне не было лучше, чем детство тех, кто участвовал во второй мировой и осуществлял Холокост. Какая историческая ситуация создала еще более взрывные эмоциональные условия между войнами?

ХОЛОКОСТ КАК ГРУППОВАЯ ФАНТАЗИЯ-ФОБИЯ

Спусковым крючком для Холокоста стал «прыжок в современность», каковым являлась демократизация Германии и Австрии, начавшаяся в 1920-е гг., когда новый психокласс начал экспериментировать со всеми видами новых свобод, нарушавших все правила, усвоенные большинством взрослых с детства. Веймарские политики не *слушались*, они на самом деле *спорили* друг с другом. Веймарские женщины тем более не были пассивными: они также спорили, голосовали, требовали высшего образования, контроля над рождаемостью и даже изучение введения в профессию [54]. Рабочие стали требовать создания профсоюзов; молодые люди – джаз; некоторые родители – прекращения избиваний детей в школах [55]. Появилось так много фильмов и даже целое направление, где звезды играли сильных женщин, что даже представлялось, их просмотр может ослабить мужскую силу [56]. Очевидно, демократия «подрывала немецкую расу», поощряя свободы, нарушающие все авторитарные правила, которые родители столетиями вбивали в детские головы [57]. Демократию называли «тысячеглавым чудовищем, разрушающим все, что не может проглотить» [58]. Веймарская культура создала замечательный креативный дух, но она также породила «тревогу, страх и все более поднимающееся чувство обреченности» [59]. К концу 1920-х гг. появилось такое множество всякого рода реакционных и антидемократических партий, что Веймарскую республику стали называть «республикой без республиканцев» [60]. Люди призывали к «освобождению от освобождения» и восстановлению авторитарного правления [61]. Если двойник в виде «убийственного родителя» глубоко в бессознательном ненавидит вас, чтобы не потерять его одобрения, вы сливаетесь с ним и ищите врагов, которые могут быть использованы как «козлы отпущения», как дурно пахнущие полные вшей младенцы внутри вас. Была нужна «национальная клизма [62], очищение, которое бы «очистило» народ от слишком выросшей независимости.

Даже еще до того, как евреям было предназначено стать главным «козлом отпущения», объявленным «нечистым» и «зараженным», в веймарский период распространилось мощное расовое движение, которое боялось заражения со стороны других. Доктора спонтанно начали спорить и говорить в пользу эвтаназии для «тех, кто был обузой», для «беспольных едоков» -- термин, слишком хорошо знакомый тогда всем со времен детства [63]. Считалось, что эти «вши» несли ответственность за распространение тифа, сифилиса и других инфекционных болезней, и эта проблема мыслилась как главная для санитарного управления – избавиться от «мерзких вшей», отравляющих национальную кровь. Символически это распространялось на детей и обратно. Чтобы проверить чистоту крови, анализы

делали сотням тысяч детей в Германии и Австрии [64]. Многие тысячи беспомощных больных детей не получали питания и обречены на голодную смерть взрослыми [65], повторяющими свой собственный опыт младенчества. То, что эти дети были «плохими я», очевидно. Задолго до начала Холокоста доктора создавали медицинские комитеты, чтобы «уничтожить “нежелательных” детей, которые имели задержки в развитии дисциплины туалета или использовали ругательства» [66]. Более 70 000 этих «беспольных едоков» были уничтожены в первых газовых камерах и крематориях между 1939 и 1941 гг., *перед тем*, как на это обрекли евреев; доктора называли эти убийства «дезинфекциями», «чистками» и «терапией» [67]. Многие из родителей на самом деле писали официальные запросы о смерти своих детей [68].

Чем больше ощущалась в Германии и Австрии «паника роста», охарактеризованная Эрихом Фроммом как «боязнь свободы» [69], тем больше она приобретала характер групповой фантазии-фобии. Поскольку будучи детьми они действительно боялись вшей в своих пеленках, то им казалось, что ядовитые паразиты распространяются по всей Европе, пытаясь «большевизировать» всех своими нечистотами. Постепенно евреи стали главными объектами преследований, они назывались «мерзкими вшами, которые пытаются заразить чистую немецкую кровь» [70] и которые должны быть уничтожены, чтобы «очистить кровеносную систему Германии». Евреев называли «мерзкими... причиняющими эпидемии... вечными кровопийцами... личинками в гниющем трупе... носителями микробов ... бактерией, которая приносит инфекции», их заключали в концлагеря со словами «поскольку вы грязны, вы должны умереть» -- так же, чего боялись немцы и австрийцы, когда были детьми [71]. Германия проголосовала за лидера, Гитлера (часто называвшего себя “*Scheisskerl*”), который был весьма обеспокоен и часто делал анализ своих испражнений, регулярно принимал клизмы, страдал клиническими фобиями и лечился пиявками для очищения своей крови [72], который произносил речи, наполненные ссылками на «отравление крови», «евреев, высасывающих народную кровь и который в конце концов отдал приказ об уничтожении «отравителей мировой крови» и погрузил мир в самый страшный геноцид, который человечество когда-либо испытывало.

Поскольку еврейские матери почти всегда сами выкармливали своих детей и поскольку еврейское детство было гораздо менее авторитарное, нежели детство их соседей [73], евреи были также более либеральны как группа, чем остальное население Германии. Например, евреи составляли большинство венских социал-демократов. Они должны были быть уничтожены, чтобы очистить нацию, как говорил Геббельс: «Евреи подобны вшам на цивилизованном человечестве. Они должны быть уничтожены, иначе они станут выполнять свою мучительную роль» [74]. Гиммлер подобным же образом выразил детский источник Холокоста: «Антисемитизм подобен лечению от вшей. Их уничтожение не идеологический вопрос, а дело гигиены» [75]. Расовые эдикты повторяли эту групповую фантазию-фобию: «Общеизвестно, что тиф и другие инфекционные болезни распространяются еврейским населением»; и уничтожение евреев было начато чиновником от медицины и здоровья, д-ром Кроллом, называвшимся

Sanitaetsoberfuehrer (санитарный лидер). Евреи, провозгласил Гитлер, были «паразитами на теле других народов» и подлежали уничтожению [76]. Нацистская Германия должна была уподобиться «Пастеру в своем уничтожении «бациллы, причинявшей бесчисленные болезни» [77].

Из евреев делали «грязных младенцев», помещая их в гетто, настолько перенаселенные, что там действительно распространялись вши и тиф. Этот образ, приравнивающих иудеев и вшей, был запущен в дело и получил распространение настолько, что маленький мальчик, увидев вошь, закричал: «Еврейская армия!» [78] «Доктора» в Аушвице называли их *anus mundi*, очевидно воспроизводя свои собственные травмы [79]. Гитлер постоянно называл их «бациллами, микробами, паразитами, чумой», от которой следует избавиться, очистить тело нации и тем самым «послужить человечеству» [80]. Газ, применявшийся в газовых камерах, поставляла немецкая компания по фумигации, а само использовавшееся вещество было Циклоном Б, обычно предназначенный для уничтожения насекомых. Даже об убийствах цыган говорили как об «уничтожении цыганской чумы» [81]. Должны были остаться «только чистые, очищенные немцы и австрийцы», и Германия должна была любить их, не ненавидеть.

Ранние травмы неизгладимо «впечатываются» в систему страха, в амигдале – «психотическом центре» мозга; «часовой механизм» этой бомбы сработал, и каждая деталь травматического воспитания у немцев и у австрийцев была воспроизведена в Холокосте [82]. Травмы детского опыта, связанные с испражнениями и грязью, воспроизводились в системе концентрационных лагерей в мельчайших деталях [83]. «Еврейский вопрос» (*Judenfrage*) на самом деле был воспроизводством «детского вопроса» (*Kinderfrage*).

То же было истинно и для борьбы с тем, что Гитлер называл «миграцией вшей с Востока» во время второй мировой войны. Требование Гитлером жизненного пространства *Lebensraum* и «земель для нашего пропитания» на самом деле было воспроизводством состояния нахождения младенца в пеленках, когда не хватало и *Lebensraum*, и пропитания. Война, подобно другим войнам, в действительности была параноидальной фобией, питавшейся страхами отравляющей инфекции из-за границы, реакцией не столько на так называемый «удар в спину» Версальского договора, сколько реакцией на травмы детства, связанные с мучительными клизмами. Слившись с Германией, Гитлер смог получить «награду» своей собственной матери (чьи сверкающие глаза, говорил он, напоминали ему смертоносные глаза Медузы, чье изображение висело у него над столом). Идентификация с карающими глазами матери объясняет привычку Гитлера репетировать перед зеркалом свой собственный «смертоносный» взгляд, в котором он видел материнский. Слившись таким образом с этой карающей родиной, Гитлер и другие немцы пытались завоевать жизненное пространство, которое так жестоко не разрешалось им в детстве практикой пеленания, корсетами, родительскими ударами. Поэтому «немецкий воин всегда нес с собой дух его любящей матери, а ее глаза сияли на нем даже в смерти» [84].

То, что начало войны против наций, чьи объединенные силы превосходили их во много раз, было самоубийственным для Германии и Австрии, было очевидно для любого, кого не захватил военный транс. Лозунгом гитлеровского объединения

молодежи было «Мы рождены, чтобы умереть за Германию», и Гитлер обещал, что «десять миллионов немецкой молодежи пройдут через жертвенную смерть» [85] под его лидерством. Он сам часто думал о суициде, говоря в конце войны: «Немцы не заслуживают того, чтобы жить», и действительно отдавал приказы по разрушению Германии при его самоубийстве. В конечном итоге, даже в смерти они фантазировали, чтобы вернуться к своим матерям – своей родине.

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ СТОЛЕТИЯ

После окончания второй мировой войны, хотя восстановление экономики усложняло жизнь немцев и австрийцев, воспитание улучшалось здесь даже быстрее, чем когда-либо еще в их истории. В период нацистского правления даже более образованные средние классы соглашались с уничтожением «ядовитых» евреев, т.к. это делалось легально «по закону». Как вспоминает один гестаповский офицер о 1930-х гг.: «Редкая нация с такой готовностью избавлялась от своих прав и свобод, как наша...»[86]. И все-таки к XXI в. большинство немцев и австрийцев кажутся уже новым психоклассом. Исчез не только антисемитизм, но и *национализм* «выходит из моды» -- людям проще рассматривать себя «европейцами», нежели «австрийцами», а многим даже легче называть себя просто людьми. Что произошло с моделью воспитания за вторую половину прошлого столетия, что превратило Австрию из нации, 1 200 000 населения которой с энтузиазмом служили в Вермахте и работали в концентрационных лагерях, таких как Mauthausen? В действительности Австрия была даже более антисемитской, чем Германия: 40% охраны в концлагерях и 70% на службе Эйхманна были австрийцами – впечатляющие цифры, если мы примем во внимание, что Австрия только на 10% заселена по сравнению с Германией [87]! Что произошло за вторую половину прошлого столетия, что превратило Вену, описанную как «самый антисемитский город в Рейхе», в город свободы, независимости и терпимости [88]?

То, что такое изменение пришло только после существенного улучшения способов воспитания, очевидно. Большая часть улучшений относится к недавнему времени: опрос, проведенный всего 30 лет назад, показал, что «85% населения Австрии все еще высказали тогда некоторую степень антисемитизма, а 20% считали, что Аушвиц имел свои “позитивные” аспекты» [89]. Большая часть улучшений произошла в предшествующем поколении – по причине любви и гуманности вашего, тех кто находится в этой аудитории, детства. Очевидно, огромная «пропасть поколений» разделяет воспитание ваших дедушек и родителей и вас, и это обусловило драматические перемены в австрийской политике, где молодежь привлекают прогрессивные либералы и партия зеленых [90]. Впечатляющей эволюции в воспитании детей, видимо, немного помогли определенные «социальные» действия; например, пособия на детей до 3-летнего возраста, что было введено лишь два года назад. Сам же отказ от традиционной авторитарной модели семьи занял пять десятилетий. В 1964 г. 80% немецких и австрийских родителей признавались, что бьют своих детей, а 35% из них – палками [91]. Тщательные исследования сегодня показывают, что и немцы, и австрийцы высказывают *меньше* авторитарного подхода, чем американцы [92]. Как произошел этот переход? Кто начал это коренное изменение, кто начал давать

своим детям безоговорочную любовь, что подтолкнуло их сделать это? Может ли подобная революция повториться по всему миру, чтобы избежать всемирного ядерного холокоста?

Хотелось бы закончить свое выступление постановкой проблемы. Я проштудировал более 300 книг о причинах войны и геноцида и обнаружил, что в них исследуются всевозможные экономические, политические или социальные элементы агрессии, но ни одна не рассматривает детства. Я часто обращаюсь с подобными высказываниями к коллегам, но реакция на них всегда одна и та же: «Да полно, деМос, перестаньте, -- все это слишком упрощенно! Только любить своих детей, и закончатся все войны? Вы ожидаете, что я поверю в это?» «Да, ожидаю»,-- всегда отвечаю я.

Я хотел бы просить вас помочь мне в исследовании замечательной перемены в воспитании, достигнутой вашими дедушками, бабушками, отцами и матерями, ответственными за изгнание расизма из Австрии. Узнавайте из их уст, каким было их детство, когда пеленание и повседневные избиения детей начали исчезать, когда стали преобладать любовь и воспитание независимости и какой эффект это имело на их личности. Короче говоря, поскольку мы все являемся эмпатическими и заботливыми, имея пару стоящих позади нас поколений любящих матерей и даже заботливых отцов, я прошу вас изучать то, как вы стали тем, чем вы есть сейчас. Пишите статьи по истории детства и присылайте их мне. Я опубликую лучшие из них в *The Journal of Psychohistory*. Только таким образом мир может узнать о чуде, происшедшем в Центральной Европе, чуде основанном на самом простом из человеческих чувств – способности давать любовь своему ребенку.

Перевод О.Шутовой

¹ Данная статья представляет собой текст выступления Л. деМоса в университете г.Клагенфурт (Австрия), 28 сентября 2005 г.

² Lloyd deMause, *The History of Childhood*. New York: Psychohistory Press, 1974, p. 1.

³ Daniel J. Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust*. New York: Knopf, 1996.

⁴ James Gilligan, *Violence: Our Deadly Epidemic and Its Causes*. New York: Vintage Books, 1996, p. 109.

⁵ Robert W. Firestone, *Suicide and the Inner Voice: Risk Assessment, Treatment, and Case Management*. Thousand Oaks: Sage, 1997.

⁶ Michael A. Simpson, "Self-Mutilation as Indirect Self-Destructive Behavior." In Norman L. Farberow, Ed. *The Many Faces of Suicide: Indirect Self-Destructive Behavior*. New York: McGraw-Hill Book Co., 1980, pp. 257, 270.

⁷ Theodore W. Adorno, *The Authoritarian Personality*. New York: Harper & Bros., 1952.

⁸ Michael A. Milburn and Sheree D. Conrad, *The Politics of Denial*. Cambridge: MIT Press, 1996.

⁹ Peter Librman, *Does Conquest Pay? The Exploitation of Occupied Industrial Societies*. Princeton: Princeton University Press, 1996.

¹⁰ Lars-Erik Cederman and Mohan Penubarti Rao, "Exploring the Dynamics of the Democratic Peace." *Journal of Conflict Resolution* 45(2001): 818-831.

¹¹ *The New York Times*, May 28, 2005, p. A11.

¹² Lloyd deMause, *The Emotional Life of Nations*. New York: Karnac Books, 2002, pp. 94-96.

¹³ James F. Masterson, *The Search for the Real Self: Unmasking the Personality Disorders of Our Age*. New York: The Free Press, 1988, p. 61.

¹⁴ Joshua S. Goldstein, "Kondratieff Waves as War Cycles." *International Studies Quarterly* 29(1985): 425.

¹⁵ Raimo Vayrynen, "Economic Fluctuations, Military Expenditures, and Warfare in International Relations." In Robert K. Schaeffer, Ed., *War in the World-System*. New York: Greenwood Press, 1989, p. 121.

-
- ¹⁶ Edward D. Mansfield and Jack Snyder, "Democratization and the Danger of War." *International Security* 20(1995): 5-38; Michael Mann *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- ¹⁷ Michael Mann, *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*, p. 4.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. ix.
- ¹⁹ Lloyd deMause, *The Emotional Life of Nations*, p. 249.
- ²⁰ John A. Vasquez, "What Do We Know About War?" In John A. Vasquez, Ed., *What Do We Know About War?* Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 200, p. 367.
- ²¹ Lisbeth Burger, *Memoirs of a Midwife*. New York: The Vanguard Press, 1934, p. 29.
- ²² Regina Schulte, "Infanticide in Rural Bavaria in the Nineteenth Century." In Hans Medick, Ed., *Interest and Emotion: Essays on the Study of Family and Kinship*. New York: Cambridge University Press, 1984, pp. 87, 89.
- ²³ Lloyd deMause, *Foundations of Psychohistory*. New York: Creative Roots, 1982, pp. 117-123.
- ²⁴ John E. Knodel, *Demographic Behavior in the Past: A Study of Fourteen German Village Populations in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, p. 543; Ann Taylor Allen, *Feminism and Motherhood in Germany*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1991, pp. 177-178.
- ²⁵ David I. Kertzer, *Sacrificed for Honor: Italian Infant Abandonment and the Politics of Reproductive Control*. Boston: Beacon Press, 1993, p. 10.
- ²⁶ Marie van Bothmer, *German Home Life, 2nd ed.* New York: Appleton & Co., 1876, p. 15.
- ²⁷ John Knodel and Etienne Van de Walle, "Breast Feeding, Fertility and Infant Mortality: An Analysis of Some Early German Data," *Population Studies* 21(1967): 116-20.
- ²⁸ Aurel Ende, "Battering and Neglect: Children in Germany, 1860-1978." *The Journal of Psychohistory* 7(1979): 260.
- ²⁹ Lloyd deMause, *The Emotional Life of Nations*, P. 189.
- ³⁰ J. F. G. Goeters, *Die Evangelischen Kirchenordnungen des XVI Jahrhunderts. Vol. XIV. Tuebingen, Kurpfalz*, 1969, p. 294.
- ³¹ Henry Mayhew, *German Life and Manners as Seen in Saxony at the Present Day*. London: William H. Allen, 1864, p. 490.
- ³² Anon., *Cornhill Magazine*, 1867, p. 356.
- ³³ Raffael Scheck, "Childhood in German Autobiographical Writings," *The Journal of Psychohistory* 15 (1987):402.
- ³⁴ Sigrid Chamberlain, "The Nurture and Care of the Future Master Race." *The Journal of Psychohistory* 31(2004): 374-6.
- ³⁵ Sigrid Chamberlain, "The Nurture and Care of the Future Master Race," p. 378.
- ³⁶ Lloyd deMause, "Schreber and the History of Childhood." *The Journal of Psychohistory* 15(1987): 427; Katharina Rutschky, *Deutsche Kinder-Chronik*. Koeln: Kiepenheuer & Witsch, 1983, pp. 16, 59.
- ³⁷ Lloyd deMause, *The Emotional Life of Nations*, pp. 196-7.
- ³⁸ *Ibid.*
- ³⁹ Alan Dundes, *Life Is Like a Chicken Coop Ladder: A Portrait of German Culture Through Folklore*. New York: Columbia University Press, 1984.
- ⁴⁰ Aurel Ende, "Battering and Neglect: Children In Germany, 1860-1978," *The Journal of Psychohistory* 7(1979-80): 249-276.
- ⁴¹ Alice Miller, *For Your Own Good: Hidden Cruelty in Child-Rearing and the Roots of Violence*. Toronto: Harper Collins, 1990, p. 10.
- ⁴² Betram Schaffner, *Father Land: A Study of Authoritarianism in the German Family*. New York: Columbia University Press, 1948, p. 21; Raffael Scheck, "Childhood in German Autobiographical Writings," p. 411.
- ⁴³ Helm Stierlin, *Adolf Hitler: A Family Perspective*. New York: Psychohistory Press, 1977; Robert Waite, *The Psychopathic God: Adolf Hitler*. New York: Basic Books, 1977.
- ⁴⁴ Katharina Rutschky, *Deutsche Kinder-Chronik*, p. 93.
- ⁴⁵ Aurel Ende, "Battering and Neglect," p. 258.
- ⁴⁶ *Op cit.*, p. 250.
- ⁴⁷ Raffael Scheck, "Childhood in German Autobiographical Writings," p. 405; Peter Petschauer, "Children of Afers, or 'Evoution of Childhood' Revisited." *The Journal of Psychohistory* 13(1985): 138; Geoff Eley,

Society, Culture and the State in Germany, 1970-1930. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996, p. 145.

⁴⁸ Emma Louise Parry, *Life Among the Germans*. Boston: Lothrop Publishing Co., 1887, p. 20.

⁴⁹ Lloyd deMause, *The Emotional Life of Nations*, p. 191.

⁵⁰ *Ibid*, p. 200.

⁵¹ Barbara W. Tuchman, *The Proud Tower: A Portrait of the World Before the War 1890-1914*. New York: Bantam Books, 1967, p. 38.

⁵² Donald Kagan, *On the Origins of War and the Preservation of Peace*. New York: Doubleday, 1995, p. 185.

⁵³ Roland N. Stromberg, *Redemption by War: The Intellectuals and 1914*. Lawrence: The Regents Press of Kansas, 1982, pp. 85, 39.

⁵⁴ Vibeke R. Petersen, *Women and Modernity in Weimar Germany*. New York: Berghahn Books, 2001, pp. 22-27.

⁵⁵ Bertram Schaffner, *Fatherland; A Study of Authoritarianism in the German Family*. New York: Columbia University Press, 1948, p. 47.

⁵⁶ Jans B. Wager, *Dangerous Dames: Women and Representation in the Weimar Street Film and Film Noir*. Athens: Ohio University Press, 1999.

⁵⁷ Mark Mazower, *Dark Continent: Europe's Twentieth Century*. New York: Alfred A. Knopf, 1999, pp. 125, 129.

⁵⁸ Klaus Theweleit, *Male Fantasies: Vol. 2: Male Bodies: Psychoanalyzing the White Terror*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989, p. 45.

⁵⁹ Peter Gay, *Weimar Culture: The Outside as Insider*. New York: W. W. Norton & Co., 2001, p. xiv.

⁶⁰ Ian Kershaw, *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* London: Weidenfeld and Nicolson, 1990, p. 21.

⁶¹ Claudia Koontz, *Mothers in the Fatherland: Women, The Family, and Nazi Politics*. New York: St. Martin's Press, 1981, pp. 12-13.

⁶² Fritz Stern, *The Politics of Cultural Despair: A Study in the Rise of the Germanic Ideology*. Berkeley: University of California Press, 1961, pp. xi-xix.

⁶³ James M. Glass, "Life Unworthy of Life" *Racial Phobia and Mass Murder in Hitler's Germany*. New York: BasicBooks, 1997.

⁶⁴ *Ibid*, p. 37.

⁶⁵ Robert Jay Lifton, *The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide*. New York: Basic Books, 1986, p. 62.

⁶⁶ Goetz Aly et al., *Cleansing the Fatherland*, pp. 29-55, 188-189; Henry Friedlander, *The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995, pp. 39-61.

⁶⁷ James M. Glass, "Life Unworthy of Life," p. 61.

⁶⁸ *Ibid*, p. 62.

⁶⁹ Erich Fromm, *The Fear of Freedom*. London: Routledge & Kegan Paul, 1975 (1942).

⁷⁰ James M. Glass, "Life Unworthy of Life," p. 8.

⁷¹ *Ibid*, p. 24; Robert Jay Lifton, *The Nazi Doctors*, pp. 16, 183.

⁷² Alan Dundes, "Life is Like a Chicken Coop Ladder." *The Journal of Psychoanalytic Anthropology* 4(1981): pp. 347-8; Norbert Bromberg and Verna Small, *Hitler's Psychopathology*. New York: International Universities Press, 1983, p.281; George Victor, *Hitler: The Pathology of Evil*. Washington: Brassey's, 1998, p. 123.

⁷³ Lloyd deMause, *The Emotional Life of Nations*, p. 202.

⁷⁴ James M. Glass, "Life Unworthy of Life," p. 80.

⁷⁵ *Ibid*, p. 83.

⁷⁶ Arno J. Mayer, *Why Did the Heavens Not Darken? The "Final Solution" in History*. New York: Pantheon Books, 1988, p. 100.

⁷⁷ *Ibid*, p. 309.

⁷⁸ James M. Glass, "Life Unworthy of Life," p. xix.

⁷⁹ Robert Jay Lifton, *The Nazi Doctors*, p. 147.

⁸⁰ Zygmunt Bauman, *Modernity and the Holocaust*. Ithaca: Cornell University Press, 1989, p. 71.

⁸¹ Robert Gellately, "The Third Reich, the Holocaust, and Visions of Serial Genocide." In Robert Gellately and Ben Kiernan, Eds., *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003, p. 252.

⁸² David R. Beisel, "Europe's Killing Frenzy." *The Journal of Psychohistory* 25(1997): 207.

⁸³ Terrence Des Pres, *The Survivor: An Anatomy of Life in the Death Camps.* New York: Pocket Books, 1977, p. 58.

⁸⁴ W. Baird, *To Die For Germany: Heroes in the Nazi Pantheon.* Bloomington: Indiana University Press, 1990, p. 88.

⁸⁵ George Victor, *Hitler: The Pathology of Evil,* pp. 85, 109.

⁸⁶ Michael Mann, *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing,* p. 206.

⁸⁷ Peter Utgaard, *Remembering and Forgetting Nazism: Education, National Identity, and the Victim Myth in Postwar Austria.* New York: Oxford University Press, 2003, p. 100; John Weiss, *The Politics of Hate: Anti-Semitism, History, and the Holocaust in Modern Europe.* Chicago: Ivan R. Dee, 2003, p. 103.

⁸⁸ Peter Thaler, *The Ambivalence of Identity: The Austrian Experience of Nation-Building in a Modern Society.* West Lafayette: Purdue University Press, 2001.

⁸⁹ Ibid, p. 104.

⁹⁰ Heinz M. Pascher, Ed., *A Work in Progress: Social and Political Change in Contemporary Poland and Austria.* Krakow: Universitas, 2001, p. 64.

⁹¹ Walter Havernick, *Schlaege als Strafe.* Hamburg, 1964; Peter Newell, *Children Are People Too: The Case Against Physical Punishment.* London: Bedford Square Press, 1989, p. 68.

⁹² William F. Stone, et al, Eds. *Strength and Weakness: The Authoritarian Personality Today.* New York: Springer-Verlag, 1993, p. 186.